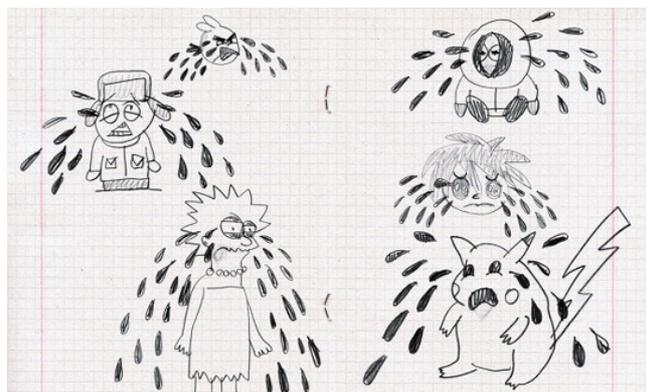

Сентябрь. Достать чернил и плакат

Есть люди, которым хочется в школу. Не все из них первоклассники.

Школа влечет меня главным образом потому, что в современной России, отнявшей у своих подданных почти все мотивации к серьезной и честной работе, это едва ли не единственное осмысленное занятие, наряду с медициной

Как всегда, я с нетерпением жду 1 сентября — главного (главнее даже, чем День учителя) профессионального праздника. Ей-богу, не вру. Школа — единственное место, где я приношу пользу. Есть еще письменный стол, но за столом я не так в этом уверен. А здесь передо мной явный и наглядный результат трудов. Больше того, здесь как минимум пятьдесят человек (из четырех-то классов наберется, плюс не меньше пяти коллег), которые хорошо ко мне относятся. В литературе, наверное, тоже наберется человек пятьдесят читателей и человек пять коллег (за коллег, правда, не поручусь), которые воспринимают меня без отвращения и даже с интересом, но читателей этих я даже на книжных ярмарках редко вижу, а с коллегами разве что перезваниваюсь. Тогда как в школе по четвергам и пятницам, в мои дни, навстречу мне расцветает несколько улыбок, а это по нашим временам очень много.

Когда-то — в девяностом, что ли, году, — большая группа советских студентов ездила в Японию в рамках дружеского обмена (устраивала это секта Муна, которую я тогда же неблагоприятно разоблачил). В нашей группе было двое влюбленных активистов комитета молодежных организаций (не бойтесь, разнополых). Впоследствии они поженились, а в прошлом году их старшая дочь перешла в нашу школу и попала в один из моих классов. На выпускном мы трогательно встретились — он весь такой инвестиционный директор, она вся такая жена инвестиционного директора — и в их глазах сквозь всю приветливость проступал затаенный ужас: мама дорогая, как же его жизнь-то задвинула, ведь подавал надежды... И если он вынужден подрабатывать в школе — неужели за книги настолько не платят?

Вслух они этого не говорили. Но взоры их были красноречивы.

Школа приносит мне не самый большой (хотя стабильный) приработок — наше «Золотое сечение», даром что частное, не принадлежит к числу мажорских заведений. Мы берем не роскошью, а педсоставом (в значительной части титулованным) и некоторой профессиональной въедливостью, то есть искренним желанием обучить принципиально необучаемых, сломать предубеждение, победить безразличие, взяться, короче, за безнадежный случай. К нам часто приходят те, кому плохо было в других школах, и показывают неожиданно роскошные результаты — просто потому, что попадают в доброжелательную и профессиональную среду; но все это, понятное дело, не делает нас миллионерами.

Так что в школу я пошел не за прибавкой к журналистскому жалованью и писательскому гонорару и уж подавно не потому, что журналистика в один прекрасный момент может прикрыться (по крайней мере для негодных), а школа вряд ли. Хотя это соображение, что греха таить, присутствует. Школа влечет меня главным образом потому, что в современной России, отнявшей у своих подданных почти все мотивации к серьезной и честной работе, это едва ли не единственное осмысленное занятие, наряду с медициной. Учить и

лечить — раз нам не дано ни строить, ни выбирать, ни открывать миру прорывные технологии (кроме разве избирательных). Смысл не последнее дело, в пирамиде Маслоу он вообще на верхушке. Плюс к тому я потомственный учитель, мама преподает до сих пор, и хотя у нас весьма серьезные методические разногласия (а мои ученики неизменно предпочитают ее разовые лекции моим еженедельным), видимо, некоторые профессиональные навыки у меня в крови.

Сегодня, в канун нового учебного года, я хочу обратиться именно к коллегам, потому что чувствую потребность отречься от нескольких профессиональных заблуждений. Долгое время — и в журналистике, и в личной учительской практике — я ориентировался на образ учителя-сухаря, строгого предметника, больше всего озабоченного не контактом с классом, не дружескими отношениями с ним, а знаниями и только знаниями. Когда главный редактор славного журнала «Директор школы» Константин Ушаков сказал у нас на «Сити-FM», что учителю вовсе не обязательно любить детей, важно уметь научить их, — я только что не аплодировал. Да, слякучавые и сопливые разговоры об учителе-друге, доброжелательном наставнике, который учит прежде всего гуманизму и сам готов учиться у детей, непрерывное повторение тезисов Сухомлинского о необходимости уважать ребенка, акцент на воспитательной, а не образовательной составляющей, — все это меня здорово раздражало, как раздражает и сейчас. Этичен, по-моему, тот, кто умен; совесть — функция от ума, от развитого воображения, от способности представить чужую ситуацию; развивать надо память, аналитические способности, тягу к неоднозначным ответам — остальное приложится. Я и сейчас убежден, что сложность — личности, общества, текста — единственная гарантия свободы, а главный враг морали — примитив, простые решения, доступные эмоции. И потому от учителя, думал я, требуются ровным счетом две вещи: знание материала (действительно глубокое) и умение изложить его так, чтобы школьнику было интересно. Ибо запоминается только увлекательное, эмоционально окрашенное — в этом все убеждались на личном опыте.

Поймите меня правильно, братьцы: перед моими глазами — да и у вас на памяти — десятки учителей-новаторов, хотя учитель-новатор, по-моему, обозначение столь же вредоносное, как «дети индиго». Не надо нам никаких новаторств — хотя бы потому, что всякий учитель неизбежно индивидуален, методика методикой, но научить педагогике нельзя, она сродни личному магнетизму, и если у вас нет дара убеждения и увлекательного изложения, вас не спасут никакие новации. Я знал множество гениальных, без преувеличения, учителей — но никто из них не мог объяснить свой секрет: либо перед классом тебя подхватывает и несет волна, либо нет, и тут ничего не поделаешь. Учитель — новатор по определению, а тот, кто называет себя новатором и становится героем восторженных очерков, тот чаще всего сектант. Об этой тонкой проблеме снят у нас единственный, но великий фильм — «Ключ без права передачи» Динары Асановой по сценарию Георгия Полонского. Полонский в школе преподавал («Доживем до понедельника» — лучший школьный сценарий, какой я знаю), и он-то лучше многих знал, что бывает, когда молодой, осведомленный, увлеченный учитель (иногда еще с проблемами в личной жизни, неизбежными у девушки тонкой и требовательной) собирает вокруг себя единомышленников. Возникает чувство превосходства относительно всех прочих классов и педагогов, программа похеривается, начинаются разговоры при свечах о морали, духовности и любви... и в этой атмосфере болезненной подростковой экзальтации учитель становится полубогом, ученик — неразборчивым адептом, а какая-нибудь «Гроза» или «Облако в штанах» — поводом для окололитературных спекуляций, не более. Все это не просто уводит от предмета — бог с ним, с предметом, дети сами все прочтут, когда надо, — но ломает детскую психику, да и учительскую тоже. Нельзя идти в школу за обожанием, за культом, за компенсацией личного одиночества — все это приводит к таким психическим срывам, что отдыхает любой триллер. Вот поэтому я стоял за любимую прогрессистскую, просвещенческую, если хотите, парадигму: прежде всего знания, все остальное приложится. Сегодня этого недостаточно.

Было время, когда я поругивал — вполне уважительно, с полным признанием заслуг — знаменитого петербургского словесника Евгения Ильина, настаивавшего на обязательной и жесткой привязке изучаемых текстов к сегодняшнему дню: говорите о «Мертвых душах» — упоминайте коррупцию, говорите об «Отцах и детях» — упоминайте о проблемах с родителями. Ильин практиковал даже такое задание: вместо сочинения про набивший оскомину «образ Базарова» просто скажите сегодня отцу или матери, что любите их, потому что это главное, потому что роман про это. Мне тогда казалось, что такой подход непозволительно переводит литературу из плоскости эстетической в почти бытовую, снижает ее, что ли, превращает в прикладное пособие по хорошему поведению. И возможно, в школе 1970-х методика Ильина действительно была не универсальна — потому что дети были умнее, общество — сложнее; но сегодня пришло время Ильина, потому что надо заново доказывать ценность, насущность, прикладную полезность литературы. Да, она кладезь эстетических наслаждений — для тех, кто эти наслаждения умеет из нее извлекать. Но она же и аптечка на все случаи жизни, и концентрированный опыт, и утешение в одиночестве, которое всегда останется уделом думающих подростков.

Сегодня прагматика литературы — особенно в недостаточно продвинутых классах — важнее прочих соображений. Больше того: раньше меня необыкновенно раздражал учитель-шоумен, берущий напором, психологическими приемами, артистизмом: говори по делу, и все поймут, а не умеешь — иди вон в психологи, туда всех берут. Но теперь я с особенной ясностью вижу, что современного школьника одним знанием предмета не прошибешь: раньше нас слушали потому, что в авторитет учителя верили априори. Сегодняшний школьник просто не знает, зачем ему слушать этого человека, зачастую одетого хуже, чем он. Самое страшное — что сегодня вообще утрачена аксиоматика повседневного поведения. Почему нельзя убивать? Читать чужие письма? Ходить по классу во время урока? Хочу и буду! Дело учителя сегодня — захватывать, завоевывать, всячески привлекать сердца: кто этого не сумеет сделать на первых уроках — того попросту не станут слушать. Это не значит, что от нас требуется клоунада: потрясти можно потоком сложных слов (дети всегда уважают себя за их понимание и произнесение), убийственной насмешкой, неожиданным сравнением, но быть просто предметником сегодня мало. Увы. У нас такая аудитория, что учитель сегодня обязан бороться не только за умы, но и за души.

Конечно, превращать класс в секту нельзя ни при каких обстоятельствах. Но повысить свой педагогический авторитет сегодня необходимо — и для этого годятся любые внеклассные формы работы. Экскурсии. Походы. Вечера поэзии либо театральные постановки. Сегодня мы должны не просто учить детей, но проводить с ними максимум времени — просто потому, что больше это делать некому. Родители заняты выживанием. Сегодня учитель не только профессиональный, но и нравственный ориентир. Он обязан демонстрировать пример увлеченности своим делом, пример осмысленности каждого дня, требовательности к себе, жизни с целью и твердыми правилами — иначе мы потеряем следующее поколение, а оно может оказаться последним, за которое стоит бороться.

Коллеги! Дорогие, любимые коллеги — единственная среда, в которой еще сохранилось серьезное общение, разговоры об умном, встречи не только ради выпивки. Я все понимаю, братцы, я сам ненавижу рано вставать, я прихожу в отчаяние, витийствуя перед вялым, переписывающимся, уткнувшимся в гаджеты классом. Я знаю, что бывают классы плохие и хорошие (безнадежных не бывает — ибо как раз безнадежные наиболее открыты общению, они хватаются за соломинку, чтобы уважать себя, и литература нужнее всего трудным подросткам: они узнают себя в Базарове, Раскольникове и молодом Маяковском). Я знаю, что при средней учительской зарплате невозможно уважать свой труд — возможно только презирать себя за то, что ты все еще не банкир; а при таком министре, как наш, при всех его бесспорных личных добродетелях и полной профессиональной, скажем так, индифферентности — вообще непонятно, на какие перемены в образовании мы тут рассчитываем. Наша работа очень трудна, совершенно не почетна и не гарантирует результатов, поскольку педагогика не наука, а искусство, и в искусстве запланированных результатов не бывает.

Противопоставить этим печальным вещам мы можем только одно: государство никогда нас уважать не станет, общества нет — но у нас есть прочная, проверенная профессиональная корпорация. Мы нужны друг другу, рыбак рыбака видит издалека, мы должны ощущать себя тайным обществом, привилегированным классом, орденом меченосцев, если хотите (таких красных, аквариумных). Мы последний оплот, последнее препятствие на пути в пропасть дикости, куда страна сползает все быстрее. Важнее нас в сегодняшней России никого нет — потому что мы последние, кто работает не за деньги. Мы не просто так спешим по ледяным улицам (и часто — в такие же ледяные классы). Мы единственные, кому действительно нужен вон тот, забитый, на «камчатке» — тот, у кого иногда, когда мы читаем вслух стихи, мелькает в глазах что-то такое.

Не дадим ему пропасть. Господь нас не оставит.

Автор: Дмитрий Быков © Московские новости ОБРАЗОВАНИЕ, МИР 👁 4713 27.08.2011, 11:17 🔄 428
URL: <https://babr24.com/?ADE=96663> Bytes: 12533 / 12406 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Дмитрий
Быков.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: @bur24_link_bot
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: @irk24_link_bot
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: @kras24_link_bot
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: @nsk24_link_bot
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: @tomsk24_link_bot
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)

